

19 мая 2025 года в рамках самого престижно-го в России профессионального конгресса юристов – XIII Петербургского международного юридического форума – прошла сессия «Правовые идеи декабристов: pro et contra. Уроки истории»¹. Это мероприятие стало знаковым не только за счет принявших в нем участие высокопоставленных лиц², но и благодаря практически единогласной негативной оценке дискуссантами восстания 14 (26) декабря 1825 года. На прозвучавший из зала вопрос, почему, несмотря на обозначенную в названии сессии коллизию «за и против», никто из участников ни словом не поддержал позицию «за», последовал вполне ожидаемый, как представляется, ответ. По словам министра юстиции Российской Федерации Константина Чуйченко, с учетом *нового осмысления*, предложенного участниками мероприятия, едва ли можно было рассчитывать, что среди них найдутся сторонники декабристов. «Мы заранее так *сформатировали*, что у нас не будет состязательности и разделения на две команды», – добавил чиновник. Еще более радикальную позицию заявил модератор сессии Михаил Швыдкой, который – не больше и не меньше – противопоставил взгляды декабристов христианскому вероучению: «Христос проповедовал любовь, тогда как декабристы проповедовали смерть».

Будучи ученым-правоведом, автор этих строк не может не вступить в полемику с титулованными коллегами-юристами, нарочито выносящими событию двухсотлетней давности не правовую, а политическую оценку, замаскированную при этом под этическую. Пользуясь недавним юбилеем знаменательного восстания, в настоящей работе я намереваюсь предложить собственный критический взгляд на это важное историческое явление.

ВОССТАНИЕ КАК МЕМ

Порой бывает так, что под нарастающей толщею культурных и идейных смыслов, беспрерывно рождаемых общественной

- 1 См. основные тезисы выступавших: <https://fparf.ru/news/fpa/pravovye-idei-dekabristov-pro-et-contra-uroki-istorii/>.
- 2 В качестве спикеров в сессии приняли участие министр юстиции Российской Федерации Константин Чуйченко, ректор Российского государственного гуманитарного университета Андрей Логинов, заместитель

Вадим Владимирович Корольков (р. 1997) – ассистент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, глава Дискуссионного клуба федералистов.

жизнью, отдельные исторические события как будто утрачивают автономное значение, преобразуясь в часть общего повествования, которая интерпретируется в интересах тех или иных социально-политических групп. К числу подобных исторических событий можно отнести и восстание декабристов – уникальный феномен отечественной истории, который, начиная с очевидцев и современников и заканчивая нынешними публичными (и непубличными) лицами, зачастую воспринимают как образ, мем, поп-культурный нарратив. Сложность и многоаспектность этого события с легкостью позволяют трактовать его в угоду текущей политической повестке на протяжении вот уже двухсот лет, причем в ходе подобных процедур зачастую игнорируются не только контекстуальные рамки декабрьских событий 1825 года, но и их критическое осмысление в последующие эпохи.

В силу сказанного разносторонний критический анализ упомянутого культурного нарратива имеет, по-видимому, не меньшее значение, чем изучение самого восстания как исторического события. При этом потенциальная деконструкция непременно должна быть контекстуальной: то есть восстание декабристов необходимо рассматривать в качестве такого феномена отечественной политической культуры, отношение к которому исторически диктовалось не столько объективной научной оценкой произошедшего, сколько сиюминутными политическими резонами. Таким образом, декабристский мем стоило бы проанализировать в качестве продукта субъективных установок очевидцев восстания, более поздних российских и советских авторов, а также постсоветских общественных деятелей. Лишь после этого можно будет обратиться к теории и практике самого декабризма и постараться выяснить, имеет ли его интеллектуальное наследие какое-либо значение для современной России – с учетом рассмотренных ранее культурных наслоений.

Утрата восстанием декабристов статуса самостоятельного исторического события и его превращение в составляющую нашей политической поп-культуры можно объяснить несколькими объективными обстоятельствами. Во-первых, в европейской интеллектуальной традиции, к которой с незначительными оговорками принадлежала и императорская Россия, на рубеже XVIII–XIX веков вызрел романтизм с присущим ему акцентированием индивидуалистических ценностей³. Во-вторых,

директора по международному сотрудничеству Института государства и права РАН Александр Звягинцев, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Елена Тимошина. Модератором выступил специальный представитель Президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой.

3 РАССЕЛ Б. *История западной философии* [1948]. М.: Миф, 1993. С. 9–10.

последователи этого культурного тренда, возглавившие позже восстание, не обсуждали свои идеи публично, ограничиваясь вместо полноценной политической дискуссии лишь кулуарными разговорами. Дошедшие до нас первоисточники – программные документы тайных обществ (конституция Никиты Муравьева, «Русская правда» Павла Пестеля) – не раскрывают всех аспектов деятельности движений, из-за чего последние мифологизируются. Наконец, в-третьих, царский престол всячески старался не только замолчать само восстание и последующее судилище, но и игнорировать их общественное обсуждение. Во многом именно поэтому даже творчество Александра Пушкина – современника восстания и близкого друга многих его участников – в указанном отношении по сей день остается предметом весьма противоречивых трактовок⁴.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

Восстание декабристов необходимо рассматривать в качестве такого феномена отечественной политической культуры, отношение к которому исторически диктовалось не столько объективной научной оценкой произошедшего, сколько сиюминутными политическими резонами.

Первое официальное русскоязычное издание, посвященное восстанию декабристов, было подготовлено бароном Модестом Корфом на основе его конспектов, написанных для обучения одного из членов царской фамилии. На конспекты обратил внимание цесаревич Александр (будущий Александр II), по инициативе которого этот труд был упорядочен и опубликован с его собственными правками. Издание состоялось в 1848 году; миниатюрный тираж в 25 экземпляров предназначался исключительно для членов царской фамилии⁵. Примечательно, что эта книга «для внутреннего пользования» вышла в свет именно тогда, когда в трудах зарубежных историков впервые начали появляться оценки провалившегося восстания⁶ – события, о котором подрастающее поколение Романовых не имело

- 4 См.: Есипов В.М. *Мифы и реалии пушкиноведения: избранные работы*. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 67–154.
- 5 Корф М.А. *Историческое описание 14-го декабря 1825-го года и предшедших ему событий*. СПб.: Типография Второго отделения собственной его императорского величества Канцелярии, 1848. Важным и далеко не случайным фактом представляется то, что книга была издана одновременно с началом революционных событий в Европе.
- 6 Там же. С. II–III. Кроме того, в 1840 году был опубликован роман Александра Дюма «Учитель фехтования», главный герой которого становится свидетелем ссылки в Сибирь своих бывших подопечных. Роман был запрещен цензурой, но все равно пользовался популярностью, в том числе и среди членов императорской фамилии, а также высшего дворянства.

сколько-нибудь цельного представления. Работа, предназначенная для августейших читателей, опиралась на ограниченный круг источников: их составили официальные документы по делу декабристов, а также воспоминания преданных Николаю I очевидцев восстания. Таким образом, члены правящей фамилии впервые узнавали о событиях 14 декабря из книги, целью которой было информирование о кулуарных особенностях престолонаследия в 1825 году и конструирование «единственно верного взгляда» на восставших как на «горсть молодых безумцев, не знакомых ни с потребностями Империи, ни с духом народа»⁷. Иначе говоря, не располагая иными источниками, царская семья формировала собственное мнение по принципиальному историко-политическому вопросу под воздействием конъюнктурного нарратива, отличавшегося неполнотой и находящегося в процессе складывания⁸.

После того, как под влиянием западной историографии и беллетристики стали предприниматься первые отечественные попытки публицистического осмысления восстания⁹, власть столкнулась с необходимостью озвучить официальную оценку произошедшего публично. Поэтому после смерти Николая I по инициативе восшедшего на престол Александра II и в относительно короткий срок было опубликовано исправленное и дополненное третье (и первое, предназначенное для публики) издание труда Корфа¹⁰. Однако тенденциозность предложенного общественности официального нарратива незамедлительно вызвала волну эмоциональной, причем не менее тенденциозной, реакции. Именно в таком контексте исповедовавший на тот момент умеренно-либеральные взгляды Александр Герцен написал молодому императору письмо, в котором раскритиковал труд Корфа¹¹. Поначалу целью Герцена была именно деконструкция официозного нарратива:

«Неужели с лишком через тридцать лет – об этом событии, о людях, участвовавших в нем, можно еще отзываться с теми же по-

7 Там же. С. 61.

8 Перед широкой публикацией труд Корфа в 1854 году пережил второе издание, которое было подготовлено с учетом замечаний, сделанных некоторыми членами императорской семьи.

9 В частности, таким произведением является опубликованная в 1847 году книга участника тайных обществ и друга декабристов Николая Тургенева, покинувшего Россию за год до восстания (ТУРГЕНЕВ Н. И. *Россия и русские* [1847]. М.: ОГИ, 2001). В одном из своих сочинений Герцен, уже после эмиграции в Европу, обращается к опыту восстания декабристов, отчасти продолжая мысли Тургенева, отчасти полемизируя с ними (ГЕРЦЕН А. И. *О развитии революционных идей в России* [1851] // Он же. *Собрание сочинений: В 30 т.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1954–1966. Т. 7. С. 193–210). Однако в этой работе он не рассматривает декабристов как отдельное и самостоятельное явление, а помещает их в общую канву становления оппозиционных сил в России, называя «первой поистине революционной оппозицией», обладавшей таким уровнем развития, который мешал «мириться с провизорными условиями царского строя» (Там же. С. 196).

10 Корф М. А. *Восшествие на престол императора Николая I*. СПб.: Типография Второго отделения собственной его императорского величества Канцелярии, 1857.

11 ГЕРЦЕН А. И. *Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)* [1857] // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 13. С. 35–46.

шлыми ругательствами, с которыми выражались жалкие старики, поседелые в низкопоклонстве и интригах, созданные в какой-то импровизированный суд для осуждения их? Вместо брани не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной мыслью и постараться понять их смысл?»¹²

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

Альтернативу «татарскому раболепию» придворного хрониста, предложенную Герценом, можно считать примером изобретения нового публичного дискурса¹³. Письмо Герцена императору тайно распространилось по России и получило широкую поддержку среди как интеллектуалов, так и бывших декабристов; однако адресат письма не только не ответил на него, но и запретил барону Корфу обнародовать свои возражения на инвективы Герцена¹⁴.

Возможно, самодержец намеревался провести необходимые и требуемые либеральные реформы поэтапно, не предавая их разработку широкой огласке и тем самым не ставя собственную власть в зависимость от внешних обстоятельств, к числу которых относилась и публичная критика со стороны эмигрантов-оппозиционеров. Однако Герцен, не знакомый с соответствующими соображениями монарха – ввиду пресловутого отсутствия публичного дискурса и публичной политики, – продолжал печатать труды, посвященные декабристам, тональность которых делалась все более жесткой по отношению уже к самому царствующему императору¹⁵. «Прося и желая» отклика барона Корфа на свои работы о декабристах¹⁶, Герцен, сам того не заметив, начал формировать собственный нарратив восстания 1825 года, идеализируя и героизируя его участников¹⁷. И далее, следуя инерции, задаваемой появляющимся из-под его пера нарративом, он атаковал уже и либеральные

12 Там же. С. 35.

13 «Но зачем же перекладывать насилием, делать заговоры, тайные общества, бунтовать на площади?». Лучшее собираться явно и действовать убеждением; об этом и сомнения быть не может. Но беда в том, что в нашем отеческом управлении человек не имеет ни права созвать без карт и вина других людей, ни права вольной речи, цензура убивает слово перед его рождением, а если оно иной раз прорвется, – секретное предписание, жандарм, курьерская тройка и поминай как звали. Представьте себе самого Иисуса Христа, который бы стал проповедовать где-нибудь на Адмиралтейской площади или в Летнем саду, – тут и до Иуды не дошло бы дело, первый квартальный свел бы его в III отделение, а оттуда отдали бы его в солдаты или еще хуже – послали бы его в Соловецкий монастырь» (Там же. С. 40). Примечательно использование в аргументации Герцена христианских мотивов, которые, как отмечалось выше, могут наделяться диаметрально противоположными смыслами.

14 Там же. С. 504–505.

15 Так, в 1858 году Герцен публикует сборник документов о восстании декабристов, которыми он располагал, сопровождая его критическим разбором не только книги Корфа, но и умонастроений императора, поощрявшего публикации подобного рода: 14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией «Полярной звезды» по поводу книги Барона Корфа. Лондон: Trübner & Co., 1858; см. также пояснительную работу к этому сборнику: ГЕРЦЕН И.А. *Русский заговор [1857]* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 13. С. 128–145.

16 Там же. С. 268.

17 Немалую роль в процессе героизации декабристов сыграли и русские классики: Николай Некрасов («Русские женщины»), Лев Толстой («Война и мир», «Декабристы») и другие.

реформы Александра II. Точно так же и Николай Огарев – ближайший соратник Герцена по «Колоколу» и «Полярной звезде», – который тоже возлагал большие надежды на роль венецианца в деле освобождения крестьян¹⁸, в своем критическом очерке, посвященном крестьянской реформе, разочаровано и неоднократно констатирует: «народ царем обманут»¹⁹. При этом, впрочем, в литературе сохранялось и другое, умеренное, видение, сторонники которого вслед за Тургеневым пытались осмыслить восстание 14 декабря в контексте эпохи и взаимного органического влияния популярных идей и тайных обществ 1820-х²⁰.

Такая радикализация дискурса о декабристах, изначально основанная на поощряемой официозом недосказанности, привела к формированию трех разнонаправленных тенденций²¹. Во-первых, были открыты пути для «хождения в народ» – именно к нему стали призывать Герцен и его сподвижники – и, соответственно, для формирования и развития движения народников, а затем и народовольцев, политических террористов, увидевших в терроре альтернативу неэффективному (как им представлялось) народническому порыву. Именно это имел в виду Владимир Ленин, когда, проследившая идейную преемственность оппозиции самодержавию начиная с декабристов – через Герцена – и до большевиков, писал, что «восстание декабристов разбудило и “очистило”» Герцена²². Во-вторых, резкие нападки на текущий умеренно-либеральный курс правительства спровоцировали еще более радикальную консервативную реакцию. В частности, Константин Леонтьев, систематически полемизировавший с Герценом, сформулирует по итогам либеральных реформ хрестоматийное «надо *подморозить* хоть немного Россию, чтобы она не “гнила”»²³. Именно эту идеологическую установку после воцарения Александра III попытался воплотить в жизнь один из лидеров российского консерватизма и крупнейший государственный деятель своего времени Кон-

18 Герцен И.А. *Освобождение крестьян [1861]* // Он же. *Собрание сочинений...* Т. 15. С. 249–253.

19 ОГАРЕВ Н.П. *Разбор нового крепостного права*. Лондон: Trübner & Co., 1861.

20 См., например: ПЫПИН А.Н. *Общественное движение в России при Александре I [1885]*. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900.

21 Современная российская историография, занимаясь анализом «декабристского мифа», продолжает сложившуюся в советское время традицию выделения трех декабристских дискурсов: официально-охранительного, либерального и революционного (героико-романтического). Ср.: НЕЧКИНА М.В. *Движение декабристов: В 2 т.* М.: Издательство Академии наук СССР, 1955. Т. I. С. 6–13; ЛЕОНТЬЕВА О.Б. *Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XX веков* // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. Т. 12. № 2. С. 56–62.

22 Ленин В.И. *Памяти Герцена [1912]* // Он же. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 21. С. 256.

23 ЛЕОНТЬЕВ К.Н. *Восток, Россия и славянство [1880]* // Он же. *Собрание сочинений*. СПб.: Деятель, 1913. Т. 7. С. 124.

стантин Победоносцев. Наконец, в-третьих, оформился менее эмоциональный – и потому, кстати, менее популярный – подход к дальнейшему исследованию и осмыслению декабристского движения, видевший в нем пусть и предельную, но вполне органическую часть российской политической истории.

Серьезная проблема, как представляется, состояла в том, что последний, либеральный, подход, пусть даже и опиравшийся на выраженный социальный запрос, не получил должного развития и не предложил ожидавшихся от него ответов. Именно на фоне его бессилия укрепились политизированные нарративы, призванные компенсировать отдельным группам отсутствие в России публичной политики. В итоге к тому моменту, когда публичный дискурс начал складываться более или менее основательно, когда появилась возможность отреагировать на накопившиеся социальные вопросы в рамках умеренного «среднего» пути, самым простым решением оказалось следование одному из уже утвердившихся искажающих нарративов. Это превратило упомянутые установки в составную часть партикулярной политической поп-культуры, причем произошло это в ущерб компромиссному варианту.

Под влиянием революционных настроений начала XX века и обусловленного ими расшатывания охранительных начал новую силу обрел не только радикальный революционный, но и умеренно-либеральный подход. Первая русская революция 1905–1907 годов пробудила в отечественной публике интерес не только к текущей политической жизни, но и к истории российской политической мысли, породив невиданный спрос на декабристов. Так, впервые широкий круг читателей получил доступ к оригинальным документам участников восстания: сначала были опубликованы программные проекты вождей движения, затем появилась и анализирувавшая их научная литература²⁴. Во многом воспроизводя подход раннего Герцена, но с опорой на гораздо более широкий круг источников, ее авторы осторожно утверждали:

«Движение не было случайной вспышкой либерализма. Оно опиралось на глубокое негодование мыслящей части русского общества и выступало в целях освобождения всех классов народа от тяжело рабства. Декабристы весьма серьезно отнеслись к предстоящей

24 См., в частности: Якушкин В.Е. *Государственная власть и проекты государственной реформы в России. С приложением проекта конституции Никиты Муравьева*. СПб.: Типография Альтшулера, 1906; Пестель П.И. *Русская правда. Наказ Временному Верховному Правлению*. СПб.: Книгоиздательство «Культура», 1906; *Записки князя С.П. Трубецкого. Издание его дочерей*. СПб., 1906; Головачев П.М. *Декабристы: 86 портретов, вид Петровского завода и 2 бытовых рисунка того времени*. М.: Издание М.М. Зензинова, 1906; *Декабристы. Материалы для характеристики* / Под ред. П.М. Головачева. М.: Издание М.М. Зензинова, 1907; Довнар-Запольский М.В. *Идеалы декабристов*. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1907; Семевский В.И. *Политические и общественные идеи декабристов*. СПб.: Типография Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909.

им задаче. Они внимательно изучали современное им положение России и стремились выяснить, при какой форме правления русское государство может достигнуть наивысшего процветания»²⁵.

От Корфа к Корфу

После 1917 года корфовский охранительный нарратив был изгнан из общественного дискурса. Советская власть в поисках дополнительных источников легитимации воспевала декабристов как народных героев, первых борцов с самодержавием, о большевистском тяготении к которым еще до революции писал Ленин²⁶. С одной стороны, новый режим внес неопределимый вклад в изучение феномена декабризма: в частности, к столетнему юбилею восстания в 1925 году впервые началась публикация следственных материалов по делу восставших²⁷. С другой стороны, советская власть принялась эксплуатировать образ героических борцов за свободу в своих политических интересах. При этом стирание ранее господствовавшего нарратива сопровождалось насаждением иного, столь же предвзятого – зачастую посредством умаления и дискредитации ранее написанных научных трудов. Например, такой подход к делу демонстрировал ответственный редактор серии «Восстание декабристов», историк Михаил Покровский:

«Большие труды – в их ряду на первом месте приходится поставить книгу покойного В.И. Семевского, – помимо того, что написаны очень “ученым” стилем, с ученым аппаратом цитат, ссылок и тому подобным, написаны к тому же и не марксистами, то есть методологически научными не являются»²⁸.

Стремление к популяризации декабристов находило отражение не только в научно-публицистической литературе, но и в советском кинематографе, который быстро стал важнейшим инструментом пропаганды. Так, приуроченный к столетнему юбилею восстания и появившийся на экранах в 1926 году

25 Довнар-Запольский М.В. *Указ. соч.* С. III. Далее закономерно следовала мысль, что «тот режим, против которого подняли знамя борьбы декабристы, – тот самый, с которым борется наше поколение» (Там же).

26 Ленин В.И. *Указ. соч.* С. 255–262.

27 Речь идет о серии «Восстание декабристов» (<http://decabristy-online.ru/doc/dela/?page=1>). Ее первый том вышел в 1925 году, а последний, 23-й, в 2016-м, что делает указанную серию одним из самых продолжительных научных проектов в нашей истории. Менее масштабной, но столь же значимой работой стало издание воспоминаний некоторых участников декабристского движения: *Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов: В 2 т.* / Под общ. ред. Ю.Г. Оксмана, С.Н. Чернова. М.: Издательство всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931; 1933.

28 Покровский М.Н. *Декабристы. Сборник статей.* М.; Л.: Государственное издательство, 1927. С. 3. При этом, однако, автор, используя марксистскую методологию как единственно «верную» и «научную», рассматривал восстание декабристов как самостоятельное явление и отказывался проводить прямые параллели между участниками тайных обществ и большевиками.

фильм «Декабристы» стал первой попыткой перенести радикальный нарратив Герцена вкупе с романтическим нарративом Некрасова на большой экран. Но, судя по отзывам кинокритиков, органично переплести эти разнонаправленные идеи между собой режиссеру Александру Ивановскому не удалось: повествовательная линия в фильме кажется несбалансированной и разорванной²⁹. Впрочем, работа над ошибками была проделана довольно быстро – в 1927 году в прокат вышел авангардистский фильм «С.В.Д.» режиссеров Григория Козинцева и Леонида Трауберга, покоровший сердца зрителей и кинокритиков не только в Советском Союзе, но и за рубежом.

Вместе с тем после столетнего юбилея отношение к декабристам во властных кругах коммунистической страны вновь начало меняться. Укрепление партийного аппарата и связанное с этим складывание культа личности исключали широкие научные дискуссии по общественно-политическим вопросам. К тому же на декабристское движение незадолго до своей эмиграции в публичных речах ссылался Лев Троцкий, которого вскоре подвергли «отмене» – как и самих декабристов. Их осторожное «возвращение» в советскую научную дискуссию началось только во второй половине 1930-х, а еще острее оно стало после Великой Отечественной войны³⁰. Здесь следует особо отметить труды Милицы Нечкиной (ученицы Покровского), которые окончательно утвердили в советской науке постулат о преемнической связи декабристов и большевиков, сформировав новую официозную парадигму – опять под влиянием поп-культурного нарратива³¹.

Именно в таком контексте усилиями Министерства культуры СССР к очередному, на этот раз 150-летнему, юбилею восстания в 1975 году на экраны был выпущен фильм «Звезда пленительного счастья» режиссера Владимира Мотыля. Эту картину, ставшую культовой, в определенном смысле можно было считать ремейком «Декабристов» (1926), однако она более гармонично сочетала в себе элементы политической драмы и личной трагедии (хотя, по мнению автора этих строк, и в этом случае повествование не отличается достаточной целостностью). Одновременно в предложенном создателями фильма весьма карикатурном изображении царя и его приближенных пронизательные зрители могли усмотреть отсылки к реалиям эпохи застоя, что добавляло фильму популярности. Это обстоятельство соотносило «Звезду пленительного счастья» с еще одним трендом:

29 Блейман М. «Декабристы» // Он же. *О кино – свидетельские показания*. М.: Искусство, 1973. С. 77–78.

30 См.: Булдакова Д. И. *Декабристы в общественно-политическом дискурсе СССР середины XX в.* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 11. С. 77–78.

31 См.: Нечкина М. В. *А. С. Грибоедов и декабристы*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951; Она же. *Движение декабристов...*

несмотря на множество официозных мероприятий, приуроченных к юбилею, одновременно множились альтернативные интерпретации декабристского движения, сближавшие его с диссидентским движением³². В целом же отсутствие общественных установок, формируемых публичной политикой, в очередной раз заменялось суррогатом – нарративом поп-культуры, который на этот раз использовался одновременно и государством, и скрытой оппозицией. Фактически, он распался на две части, и во многом именно поэтому к завершению застоя и началу перестройки интерес к декабристской теме в интеллектуальной среде оказался крайне высоким³³.

Постсоветскому этапу декабристского дискурса присущ ряд важных тенденций. С одной стороны, упразднение цензуры, прежде ограничивавшей постановку исследовательских задач и снижавшей степень объективности исторических изысканий, открыло дорогу для публикации оригинальных исследовательских трудов³⁴. Но, с другой стороны, до объективной оценки событий 1825 года дело вновь не дошло. Под предлогом отбрасывания идеологизированной советской науки постсоветская Россия в очередной раз сменила поп-культурный нарратив: властями был взят на вооружение ушедший, как могло показаться, навсегда охранительный подход барона Корфа, который в официальных дискурсивных практиках вытеснил былую революционную героину. Теперь даже умеренные диссидентские трактовки начали подвергаться последовательной и напоистой маргинализации, что влияло не только на восприятие феномена декабристов массовым сознанием, но и на тональность научных исследований.

Обозначенный перекокс оформился после событий зимы 2011–2012 года с ее массовыми протестными выступлениями, под влиянием которых «Первый канал» решил изготовить «правдивый фильм» о декабристах. Картина «Союз спасения» режиссера Андрея Кравчука, ставшая одной из самых дорогих в истории отечественного кинематографа, снималась на протяжении нескольких лет и вышла в 2019 году. Фильм, с одной стороны, представлял невиданные ранее визуальный ряд и сценический масштаб, но, с другой стороны, в сюжетном плане оказался приспособленной к современным реалиям экранизацией пресловутого труда Корфа. Неудивительно, что картина, создатели

32 Булдакова Д.И. *Указ соч.* С. 79–85.

33 См., например: *Мемуары декабристов. Северное общество* / Под общ. ред. В.А. Федорова. М.: Издательство Московского университета, 1981; Нечкина М.В. *Декабристы*. М.: Наука, 1982; *Мемуары декабристов* / Под ред. А.С. Немзера. М.: Правда, 1988; Федоров В.А. «Своей судьбой гордился мы...». *Следствие и суд над декабристами*. М.: Мысль, 1988; *Декабристы в воспоминаниях современников* / Под общ. ред. В.А. Федорова. М.: Издательство Московского университета, 1988.

34 См., например: Ильин П.В. *Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг.* СПб.: Нестор-История, 2004.

которой проигнорировали результаты научных исследований и публицистических дискуссий едва ли не двух столетий, вызвала ожесточенную полемику в интернет-сообществе. Среди прочего я хотел бы выделить хлесткий разбор этого фильма блогером Евгением Баженовым (*BadComedian*), набравший более 22 миллионов просмотров³⁵. Добrotно сделанный фьюжн, вобравший широкую источниковую базу, доступную постмодернистскую подачу, а также изрядную дозу черного юмора, не только разошелся на цитаты, породив множество мемов, но и положил начало настоящей полемике с официозом. Примечательно, что автор кинообзора не присоединяется ни к одной из сторон, ограничиваясь призывом не замалчивать исторические факты и не привязывать фигуры деятелей прошлого к реалиям современной жизни. Иными словами, в условиях крайнего дефицита публичной политики и ее имитации блогер оказался «разбуженным» знаковым фильмом о декабристах – подобно тому, как последним некогда удалось растормошить Герцена.

Нынешний политический курс конструирует определенный тип публичности, подразумевающий наличие в стране общественного консенсуса. Упомянутая сессия юридического форума, посвященная декабристам, содержала в названии слова «pro et contra», однако организаторы без смущения уведомили зал, что лишь позиция «contra» является, по их мнению, адекватной современным реалиям. Более того, в рамках заключительных реплик министр юстиции пообещал провести под эгидой своего ведомства конференцию, посвященную выступлению декабристов, анонс которой действительно появился на сайте министерства в начале декабря 2025 года в контексте открытия тематической выставки в Минюсте³⁶. Примечательно, что высокопоставленный чиновник не просто призвал переосмыслить ключевое событие российской истории, но и обозначил направление, в котором это должно происходить: «Наша задача – извлечь из всего этого урок, осознать приоритетность эволюционного пути проведения правовых реформ. Именно законность должна являться ключевым принципом любых преобразований»³⁷. Показательна здесь не только тональность, но и сам факт обращения лица, представляющего один из мощ-

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

35 См.: <https://rutube.ru/video/8cf4bfabc6f93e9a3f102aab5ee9e7eb/>.

36 См.: *В Минюсте России открылась выставка, приуроченная к 200-летию со дня восстания декабристов на Сенатской площади* (<https://minjust.gov.ru/ru/events/51030/>); *Выставка в Минюсте открыла дискуссию о роли восстания декабристов на судьбу России* (<https://minjust.gov.ru/ru/events/51036/>). Примечательно, что в доступных источниках не было информации о том, будет ли это мероприятие открытым для сторонних участников. [Конференция, о которой пишет автор, состоялась во время подготовки статьи к печати. См.: ЛЕЙБА Г. *Восстание против декабристов. В Минюсте переосмыслили события на Сенатской площади* // Коммерсант. 2025. 11 декабря. С. 3. – *Примеч. ред.*]

37 Цит. по: <https://fparf.ru/news/fpa/pravovye-idei-dekabristov-pro-et-contra-uroki-istorii/>.

нейших рычагов исполнительной власти, к толкованию исторического события двухвековой (!) давности.

Не менее символичным стало и уничижительное (иначе не скажешь) по отношению к декабристам выступление, прозвучавшее на открытии упомянутой декабрьской выставки из уст директора Института государства и права РАН Александра Савенкова. Он, в частности, заявил:

«Нет аналогии с 1991 годом, с Беловежской пущей? И это все декабристы. Это вот то, что еще юристам, наверное, есть смысл изучать, чтобы это никогда не повторялось. Не надо делать героев из того, что произошло. [...] Хватит политики. Давайте говорить о фактах объективно, дадим этой истории настоящую оценку»³⁸.

Круг, похоже, замкнулся. Отечественный дискурс о декабристах, начало которому было положено в полемике с предвзятым нарративом, генерируемым напуганной николаевской монархией, пройдя сложный и извилистый путь, в конце концов, вернулся к реабилитации и воспроизводству того же нарратива ресурсами официоза. Это однако не избавляет нашу науку от необходимости продолжать исследование декабризма – внимательное, последовательное и беспристрастное.

НЕПОДЦЕНЗУРНЫЙ ДЕКАБРИЗМ

Идейные и интеллектуальные истоки декабризма – помимо ранее обозначенного романтического этоса, затронувшего все сферы западной культуры, – проистекают и из иных факторов, действительно повлиявших на формирование взглядов русских заговорщиков начала XIX века.

Во-первых, в большинстве своем будущие декабристы родились уже после Войны за независимость США (1775–1783) и Великой Французской революции (1789–1799) – двух фундаментальных событий, ознаменовавших наступление новой эпохи. В современном обществе традиционные способы легитимации власти перестали работать: им на смену шло новое понимание властных механизмов. Поскольку, как представлялось сторонникам инноваций, всякий акт власти предполагает наличие того или иного типа консенсуса, связывающего правителей и подданных, возникла идея формализовать этот *общественный договор* в виде конституции, ограничивающей произвол влас-

38 Цит. по: *Выставка в Минюсте открыла дискуссию...* Примечателен также пассаж Савенкова о том, что восстание декабристов стало основанием для отказа от «моратория на смертную казнь», который существовал в то время в Российской империи. К сожалению, уважаемый коллега умолчал об отсутствии в то время моратория на телесные наказания, некоторые из них (например прогон сквозь строй с битьем шпицрутенами) нередко влекли за собой мучительную смерть.

тителя – на том основании, что власть является не его врожденным атрибутом, а качеством, которым он наделяется гражданским обществом. На глазах очевидцев революции 1789 года и наполеоновских войн свергались вековые монархии и провозглашались новые политии, обращавшиеся к принципу сменяемости власти. Модерные институты, более совершенные в плане социальной эволюции, брали верх над ранее успешными, но ныне неэффективными традиционными практиками. И хотя образованные люди эпохи по-разному относились к этим трендам, совсем игнорировать их не мог никто.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ
О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

Круг замкнулся. Отечественный дискурс о декабристах, начало которому было положено в полемике с предвзятым нарративом, генерируемым напуганной николаевской монархией, пройдя сложный и извилистый путь, в конце концов, вернулся к реабилитации и воспроизводству того же нарратива ресурсами официоза.

Будущие декабристы подмечали также и некоторые тенденции современной им российской политики: в частности, что XVIII век ознаменовался многочисленными дворцовыми переворотами – свержениями и (или) убийствами венценосцев малыми группами выходцев из привилегированного дворянского сословия. Так, князь Сергей Трубецкой констатировал: «Со времени вступления дома Романовых на Российский Престол малая только часть Государей наследовала его спокойно по праву своего рождения; но большая часть перемен царствований были следствием насилия или обмана»³⁹. Таким образом, традиционалистский тезис о богоданном престоле, абсолютности монархической власти и неприкосновенности персоны властителя был разрушен задолго до декабристов. Это сделали философия Просвещения и ее практические следствия, а также кровавая борьба за власть в России, на протяжении веков ведущаяся различными аристократическими группами, выдвигавшими и смещавшими монархов.

Во-вторых, многие либеральные идеи в начале правления Александра I встречали поддержку и понимание со стороны царя. «Дней Александровых прекрасное начало» рисовало перспективы скорой трансформации российского общества и государства на западный манер, с заменой традиционных властных

39 Записки князя С.П. Трубецкого... С. 7.

институтов современными учреждениями. Однако в силу различных внутри- и внешнеполитических причин монарх отказался от проведения соответствующих реформ после кампаний 1812–1814 годов. При этом участие в боевых действиях в России и за границей расширило кругозор рядового состава и сблизило солдат с командирами-дворянами. Такая форма личной связи начальника с подчиненными исключает применение телесных наказаний и прочих дисциплинарных практик, унижающих человеческое достоинство; между тем именно это ждало дома рядовой состав, вернувшийся из заграничных походов. Разрыв между сущим и должным был тем болезненнее, чем более ошутимо Александр I менял курс с преобразовательного на консервативный. Тем самым власть своими руками перекрывала для страны эволюционный путь развития: ведь под эволюцией понимается не только преемственность, но и изменчивость, а в данном случае всякие изменения были признаны опасными для самодержавия. Или, как заявлял Николай Карамзин, «всякая новость в государственном порядке есть зло, к коему надо прибегать только в необходимости»⁴⁰.

В-третьих, как следствие, главной политической целью заговорщиков было упразднение самодержавия как главного препятствия на пути прогресса России. К такому выводу стали приходить равнодушные представители дворянства на своих поначалу спонтанно организуемых встречах. В рамках этих «кухонных разговоров» каких-либо политических акций не планировалось, однако со временем осознание ответственности за судьбу своей родины сподвигло участников подобных дружеских пирушек к самоорганизации. Выбранная ими форма тайных обществ соответствовала романтической эпохе, популярности масонства и культа рыцарства, а также казалась наиболее практичной формой организации дворянства. Страх перед повторением ужасов французской революции побуждал заговорщиков ориентироваться на верхушечный переворот, а не на полноценную революцию, чреватую массовой гибелью невинных людей. Попытка упрекнуть декабристов в том, что они, в отличие от Христа, проповедовали не жизнь, а смерть, с учетом этого обстоятельства выглядит несостоятельной: имей подобный упрек под собой какие-либо основания, декабристы, наоборот, постарались бы вовлечь в заговор широкие массы. Однако они не могли этого позволить не только из-за своей образованности: многие из них в придачу были и глубоко религиозными людьми. Мысль об использовании незрелого в политическом смысле народа для достижения своих целей была противна их образу мыслей.

40 КАРАМЗИН Н.М. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях* [1811]. М.: Наука, 1991. С. 56.

Осмысление декабристами основных общественных проблем не привело, однако, к разработке единой политической программы. Дошедшие до нас конституционные проекты были скорее интеллектуальными упражнениями, предметами для обсуждения, чем окончательными вариантами будущего институционального дизайна. Однако даже при беглом анализе этих документов можно обнаружить ряд принципиальных сходств, которые имели под собой общность мировоззренческих установок. Прежде всего речь идет об упразднении самодержавия и введении конституционного правления, а также об отмене крепостного права. Говоря о первом, Никита Муравьев закладывал в свой проект конституционной монархии следующие идеи:

«Опыт всех народов и всех времен доказал, что Власть Самодержавная равно гибельна для правителей и для обществ: что она не согласна ни с правилами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка. Нельзя допустить основанием Правительства произвол одного человека, невозможно согласиться, чтобы все права находились на одной стороне, а все обязанности на другой. Слепое повиновение может быть основано только на страхе и не достойно ни разумного повелителя, ни разумных исполнителей. Ставя себя выше законов, Государя забыли, что они в таком случае вне законов – вне человечества! – что невозможно им ссылаться на законы, когда дело идет о других, и не признавать их бытие, когда дело идет о них самих. Одно из двух: или они справедливы – тогда к чему же не хотят и сами подчиняться оным; или они несправедливы – тогда зачем хотят они подчинять им других»⁴¹.

В отношении же крепостного права и гражданского равенства муравьевский проект декларировал:

«Крепостное состояние, рабство *отменяются*. Раб, прикоснувшийся к земле Русской, становится свободным. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику противно Вере, по которой все люди *братья*, все рождены *благо* по воле Божьей, все рождены *для блага* и все *просто люди*: ибо все слабы и несовершенно»⁴².

Примечательно, что, хотя некоторые из будущих декабристов были знакомы с новейшей для тех времен наукой политической экономии, они рассматривали самодержавие и крепостное (рабское) состояние прежде всего с этической стороны, видя в них не столько неэффективный инструмент хозяйство-

41 Проект конституции Н.М. Муравьева // *Материалы по истории восстания декабристов* / Под общ. ред. М.Н. Покровского. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. Т. I. С. 109; см. также: ПЕСТЕЛЬ П.И. *Указ. соч.* С. 8.

42 Цит. по: Якушкин В.Е. *Указ. соч.* С. 133. О том же говорилось и в манифесте Сергея Трубецкого, требовавшем «уничтожения права собственности, распространяющейся на людей» (*Материалы по истории восстания декабристов*. Т. I. С. 107).

вания, сколько богопротивные практики, не соответствующие ни истинным христианским ценностям, ни здравому смыслу.

При этом проекты расходятся по большинству тем, касающихся формы государственного устройства. В качестве альтернатив самодержавию предлагались как конституционная монархия (проект Муравьева), так и всенародная республика (проект Пестеля). Вопрос о судьбе царствующего монарха оставался одним из наиболее острых: рассматривались и свержение императора с последующим отречением, и его убийство. Последний вариант диктовался отнюдь не кровожадностью заговорщиков, а желанием учесть опыт произошедшего в 1820 году восстания Рафаэля Риего: испанский монарх, которому повстанцы сохранили жизнь, сумел найти поддержку за рубежом, восстановил власть и вскоре подавил бунт. Своеобразным способом отодвинуть решение этой проблемы на задний план декабристам казалось выступление в дни *междущарствия* – периода, когда присяга покойному монарху уже не действует, а новому еще не принесена. В междущарствие некого свергать, хотя сама эта ситуация, воспринимаемая в правовом разрезе, не могла не казаться некоторым из заговорщиков возмутительной. Герцен впоследствии отмечал:

«В этом капризном, сделанном втихомолку распоряжении коронной [завещании Александра I] так ясно и видно полнейшее презрение к народу; судьба его считается домашним делом одной семьи, и привычка не ставить *подданных* ни в грош так велика, что сам либеральный Александр I наивно воображал, что Россия его собственность: после смерти раскроют завещание и узнают, чья Россия»⁴³.

Судя по всему, декабристы были склонны покончить с подобным отношением. «Русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства», – говорилось в проекте конституции Никиты Муравьева⁴⁴.

Различались и подходы декабристских вождей к будущему территориальному устройству⁴⁵. Представители Северного общества выступали за федерализм: проект конституции Муравьева в этом аспекте при ближайшем рассмотрении представлял собой русифицированную копию американской федеративной системы (вплоть до количества субъектов федерации)⁴⁶. В свою очередь члены Южного общества были принципиальными противниками федерализма, видя в нем угрозу территориальному

43 Герцен А.И. *Письмо к императору Александру II*... С. 43.

44 Цит. по: *Проект конституции Н.М. Муравьева*. С. 109.

45 См. подробнее: СЕМЕВСКИЙ В.И. *Указ. соч.* С. 450–474, 513–523, 546–554, 640–647.

46 *Проект конституции Н.М. Муравьева*. С. 109, 115–132.

единству России⁴⁷. Не было среди декабристов единства и относительно конкретных институтов власти: эта тема рассматривалась в качестве производной от форм правления и территориального устройства. При этом все движения активно выступали за разделение властей: создание представительного органа с законодательными функциями, подконтрольной ему исполнительной власти, а также судебной системы, действующей на основе закона. Принципы верховенства права, уважения личности, гарантии прав, свобод, судебной защиты – то есть все те ценности, которые в настоящий момент являются важнейшими юридическими средствами отстаивания прав и законных интересов, – в разнообразных формулировках, но без принципиальных различий по смыслу защищались всеми идеологами декабризма.

Все сказанное разрушает крайние позиции, навязываемые поп-культурными нарративами. Восстание 14 декабря не было стихийным, спонтанным, но при этом не имело четкого плана достижения цели. Его участники не планировали убивать монарха, а лишь стремились воспользоваться ситуацией междуцарствия для достижения своих целей. Говорить о единстве политической программы восставших не совсем корректно – скорее стоит признать единство ценностей и нравственных устремлений декабристов, которые находили разнообразное выражение в зависимости от конкретных обстоятельств.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Беглый экскурс в интеллектуальную и поп-культурную историю декабристского движения и его наследия в отечественном политическом дискурсе демонстрирует различные тенденции: диалектичность, цикличность, поляризацию. В их ряду наиболеестораживает то, что декабристские нарративы, сложившиеся в свое время на фоне отсутствия публичной политики, и сейчас продолжают предопределять направления общественного дискурса. Использование образа восставших в конъюнктурных политических целях лишает выступление 14 декабря историчности и самобытности; в итоге оно бытует исключительно контекстуально и, следовательно, не содержит никаких собственных коннотаций – за исключением тех, какими его наделяют сторонники той или иной точки зрения. Вместе с тем воспроизводство дефектных нарративов поддерживает воспроизводство и ущербных социально-политических практик, которые, как показала история, ведут к отрыву элит от по-

⁴⁷ См.: Пестель П.И. *Указ. соч.* С. 21–23.

литической реальности, в конечном счете, угрожая сохранности государства. Для разрыва этого порочного круга требуется критическое осмысление 14 декабря именно как *исторического события*, причем результатом этого станет последовательная деконструкция обоих поп-культурных нарративов о декабристах. Приходится отмечать, что сейчас официальный дискурс далек от того, чтобы даже поставить вопрос подобным образом. Поэтому полезно хотя бы в нескольких строках обозначить горизонты предстоящей работы.

С точки зрения как действовавшего на тот момент законодательства, так и политического реализма восстание декабристов приходится оценивать как незаконную и плохо спланированную авантюру с непредсказуемыми последствиями. К очевидным ошибкам тайных обществ следует отнести отсутствие у восставших единой программы, несогласованность их действий, отказ от ведения агитационной и разъяснительной работы. Все это еще предстоит рассмотреть детально и скрупулезно. Однако бросают ли эти нелестные для декабристов оценки тень на отстаиваемые ими ценности, на поставленные ими цели и так далее? Основания для такого суждения, как представляется, отсутствуют. Вместе с тем, если для наиболее консервативной части нынешнего правящего класса отсылки к опыту декабристов удобны тем, что они помогают обосновывать подавление всякого инакомыслия в зародыше, то для наиболее радикальной части оппозиции они служат стимулом для культивации еще большей ригидности. Выходит, восстание декабристов, в конечном счете, привило нашему обществу отнюдь не ценности, ради которых они выходили на площадь, поднимались на эшафот и отправлялись в Сибирь, а лишь набор противостоящих друг другу превратных представлений.

Между тем наличие публичной политики позволило бы решать насущные вопросы русской жизни без создания тайных обществ. Оно открыло бы путь для обсуждения, критики и совершенствования путей социально-политического обустройства, а ставка на долгосрочные и спланированные реформы сделала бы эволюцию страны ровной и адаптивной. Наконец, разностороннее обсуждение самого феномена декабризма – как *pro*, так и *contra*, причем не в современном, а в историческом контексте – позволило бы оставить прошлое позади, взяв из него лучшие идеи и отказавшись от повторения прежних ошибок, допущенных как проигравшей в 1825-м оппозицией, так и победившим режимом.

В ходе написания этой статьи меня не оставляло ощущение, что, будь декабристы живы, они, несомненно, включились бы в полемику с творцами и пропагандистами поп-культурных нарративов, касающихся их жизненного пути. Они, по-видимо-

му, высказались бы против как собственной героизации в советской традиции, так и использования их провала для оправдания «закручивания гаек» в традиции постсоветской. Они навряд ли оценили бы вмешательство в свою личную жизнь – чтение писем, копание в любовных делах, – производимое ради романтизации их образов. Декабристы решительно отвергли бы современный охранительный нарратив, господствующий в дискурсе о восстании 1825 года, – ведь его сторонники во многом воспроизводят идеи барона Корфа, артикулировавшего позицию того режима, который восставшие считали противоестественным и негодным. Судя по всему, их нынешние оппоненты это понимают и потому всячески пытаются дискредитировать как самих декабристов, так и память о них. Вместо обстоятельного и вдумчивого обсуждения, обществу в очередной раз навязывается стереотип. Но проблема состоит в том, что системное сдерживание открытой общественной дискуссии и ограничение публичной политики, как показали последние двести лет в России, не уничтожают оппозиционные настроения, а лишь радикализуют их. В результате ценой десятилетий мнимого «спокойствия» становится, увы, «пробуждение» вождей новых революций – с лимитом на которые у нас и без того большие проблемы.

ВАДИМ КОРОЛЬКОВ

О МИФОЛОГИИ
ДЕКАБРИЗМА

